

Осип Мандельштам

(1891 – 1938)

Только детские книги читать

Только детские книги читать,
Только детские думы лелеять,
Всё большое далёко развеять,
Из глубокой печали восстать.

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от неё не приемлю,
Но люблю мою бедную землю
Оттого, что иной не видал.

Я качался в далёком саду
На простой деревянной качели,
И высокие тёмные ели
Вспоминаю в туманном бреду.

Муха

– Ты куда попала, муха?

– В молоко, в молоко.

– Хорошо тебе, старуха?

– Нелегко, нелегко.

– Ты бы вылезла немножко.

– Не могу, не могу.

– Я тебе столовой ложкой

Помогу, помогу.

– Лучше ты меня, бедняжку,

Пожалей, пожалей,

Молоко в другую чашку

Перелей, перелей.

Раковина

Быть может, я тебе не нужен,

Ночь; из пучины мировой,

Как раковина без жемчужин,

Я выброшен на берег твой.

Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поёшь,
Но ты полюбишь, ты оценишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризою своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей,

И хрупкой раковины стены,
Как нежилого сердца дом,
Наполнишь шёпотами пены,
Туманом, ветром и дождём...

Образ твой мучительный и зыбкий

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
«Господи!» – сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетало из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

Ленинград

Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухлых желёз.

Ты вернулся сюда, – так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей.

Узнавай же скорее декабрьский денёк,
Где к зловещему дёгтю подмешан желток.

Петербург, я ещё не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург, у меня ещё есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице чёрной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок.

И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Из полутёмной залы, вдруг

Из полутёмной залы, вдруг,
Ты выскользнула в лёгкой шали —
Мы никому не помешали,
Мы не будили спящих слуг...

На бледно-голубой эмали

На бледно-голубой эмали,
Какая мыслима в апреле,
Берёзы ветви поднимали
И незаметно вечерели.

Узор отточенный и мелкий,
Застыла тоненькая сетка,
Как на фарфоровой тарелке
Рисунок, вычерченный метко,—

Когда его художник милый
Выводит на стеклянной тверди,
В сознании минутной силы,
В забвении печальной смерти.

Сусальным золотом горят

Сусальным золотом горят
В лесах рождественские ёлки,
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.

О, вещая моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!

Бессонница. Гомер. Тугие паруса

Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочёл до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладой когда-то поднялся.

Как журавлиный клин в чужие рубежи,—
На головах царей божественная пена,—

Куда плывёте вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?

И море, и Гомер – всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море чёрное, витийствуя, шумит

И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

За гремучую доблесть грядущих веков

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей –
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.
Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течёт Енисей
И сосна до звезды достаёт,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьёт.

Жил Александр Герцевич

Жил Александр Герцевич,
Еврейский музыкант, –
Он Шуберта наворачивал,
Как чистый бриллиант.

И всласть, с утра до вечера,
Заученную вхруст,
Одну сонату вечную
Играл он наизусть...

Что, Александр Герцевич,
На улице темно?
Брось, Александр Сердцевич, –
Чего там? Все равно!

Пускай там итальяночка,
Покуда снег хрустит,
На узеньких на саночках
За Шубертом летит:

Нам с музыкой-голубою
Не страшно умереть,
Там хоть вороньей шубою
На вешалке висеть...

Всё, Александр Герцевич,
Заверчено давно.
Брось, Александр Скерцевич.
Чего там! Всё равно!

Воздух пасмурный влажен и гулок

Воздух пасмурный влажен и гулок;
Хорошо и не страшно в лесу.
Лёгкий крест одиноких прогулок
Я покорно опять понесу.

И опять к равнодушной отчизне
Дикой уткой взовьётся упрёк,—
Я участвую в сумрачной жизни,
Где один к одному одинок!

Выстрел грянул. Над озером сонным
Крылья уток теперь тяжелы.
И двойным бытием отражённым
Одурманены сосен стволы.

Небо тусклое с отсветом странным —
Мировая туманная боль —
О, позволь мне быть также туманным
И тебя не любить мне позволь.

Notre Dame (Нотр Дам)

Где римский судия судил чужой народ,
Стоит базилика, — и, радостный и первый,
Как некогда Адам, распластывая нервы,
Играет мышцами крестовый лёгкий свод.

Но выдаёт себя снаружи тайный план:
Здесь позаботилась подпружных арок сила,

Чтоб масса грузная стены не сокрушила,
И свода дерзкого бездействует таран.

Стихийный лабиринт, непостижимый лес,
Души готической рассудочная пропасть,
Египетская мощь и христианства робость,
С тростинкой рядом – дуб, и всюду царь – отвес.

Но чем внимательней, твердыня Notre Dame,
Я изучал твои чудовищные рёбра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.

Кинематограф

Кинематограф. Три скамейки.
Сентиментальная горячка.
Аристократка и богачка
В сетях соперницы-злодейки.

Не удержать любви полёта:
Она ни в чём не виновата!
Самоотверженно, как брата,
Любила лейтенанта флота.

А он скитается в пустыне –
Седого графа сын побочный.
Так начинается лубочный
Роман красавицы-графини.

И в исступленьи, как гитана,
Она заламывает руки.
Разлука. Бешеные звуки
Затравленного фортепьяно.

В груди доверчивой и слабой
Ещё достаточно отваги
Похитить важные бумаги
Для неприятельского штаба.

И по каштановой аллее
Чудовищный мотор несётся,
Стрекочет лента, сердце бьётся
Тревожнее и веселее.

В дорожном платье, с саквояжем,
В автомобиле и в вагоне,

Она боится лишь погони,
Сухим измучена миражем.

Какая горькая нелепость:
Цель не оправдывает средства!
Ему – отцовское наследство,
А ей – пожизненная крепость!